

«Донкихотство» в дискурсе западников

Е. Л. Сараева

В статье интерпретировано воззрение русских западников на тип личности Дон Кихота, воспринимаемый ими как образ «Другого». Дан анализ решения проблемы соотношения идеала и действительности.

Ключевые слова: русские западники, Дон Кихот, диалог культур, Россия Нового времени, славянофилы, русская мысль.

“Quixotism” in the Discourse of Westernizers

E. L. Saraeva

The article gives an interpretation of the views of Russian Westernizers on the Don Quixote personality type, that was conceived by them as the image of the “Other”. It analyses their approaches to the problem of correlation between ideality and reality.

Key words: Russian Westernizers, Don Quixote, dialogue of cultures, Russia of new time, Slavophiles, the Russian idea.

Картина мира русских западников 40-х гг. XIX в. формировалась в диалоге с другими теориями, поэтому для ее носителей была значима самоидентификация. Поиск самоидентичности является неотъемлемой чертой духовного творчества интеллигенции. Русские западники создали образ развитой личности, стремящейся понять действительность и жить в реальном, а не в вымышленном мире, раскрыть свои способности и содействовать гражданскому воспитанию человека. Они решали социальные и духовные проблемы, руководствуясь представлениями не о возвышенном, идеальном образе, а о возможностях реального изменения общественных отношений. **Проблема соотношения идеала и действительности** стала одной из основных в творчестве западников. Стремление дать реалистическое решение проблем развития личности и общества, безусловно, было сильной стороной их учения.

Западники полагали, что развитие личности происходит в определенном социуме. В своей деятельности человек должен руководствоваться не абстрактными идеями, отвлеченными понятиями, а интересами, формирующимися под влиянием конкретной социокультурной среды. Идеи, навеянные только книгами, могут быть беспочвенными и в силу этого сориентировать на достижение ложных идеалов. В. П. Боткин писал о приоритете задач, определяемых действительностью: «...понятия, идеи совершенно обуславливаются общественностью, в которой поставлен человек, а идеи, развиваемые одними книгами, не проверяемые беспрестанно процессом общественным, быстро улечиваются...» [2, с. 255].

Реалисты 1840-х гг. ассоциировали увлечение романтическими идеалами, неосуществимыми в жизни, с **«донкихотством»**. *Характеристика*

типа личности, предельным выражением которой был Дон-Кихот, стала важной составляющей самосознания западников и их взгляда на действительность. Западников живо интересовала проблема *типов личности*. Сопоставление и оценка этих типов содействовала решению поставленной ими интеллектуальной задачи – *определению целей, условий и нравственных ориентиров развития личности.*

Согласно исследованию А. Л. Штейна, в эпоху романтизма начала XIX в. общество стало сочувственно воспринимать образ Дон-Кихота, в отличие от предшествующих поколений, видевших в Дон-Кихоте преимущественно комическое лицо. Принципиально новую оценку рыцарю дали немецкие теоретики, прежде всего Шеллинг, характеризовавший главную идею романа как разрыв между мечтой и жизнью. Генрих Гейне подметил такую черту Дон-Кихота, как желание оживить идеалы прошлого. А. Л. Штейн отметил заслугу русской критики в анализе различных сторон романа Сервантеса [9, с. 55–56]. Д. И. Олейников сопоставил разное отношение к Дон-Кихоту декабристов и поколения кружков 1830–1840-х гг. По его мнению, обращение интеллигенции 1820–1830-х гг. к литературным образам обуславливалось познанием себя в мире. Многие декабристы служение высоким идеям, подобно Дон-Кихоту, считали высшим проявлением добродетели. Они стремились походить на благородных рыцарей. Тип личности Дон-Кихота, по мнению исследователя, был близок участникам тайных обществ, поскольку они считали своим долгом быть верным идеалам. Поколение 1830–1840-х гг., полагает Д. И. Олейников, отрицательно относилось к Дон-Кихоту, поскольку рыцарь не обладал «тактом действительности» [6, с. 47; 7, с. 166–178].

Объясняя свое отношение к жизни, цели деятельности, западники нередко обращались к Дон-Кихоту как к образу «Другого». В современной научной литературе феномен «Иного» рассматривается как одна из ключевых проблем познания смысла культуры [4, с. 194].

Западники вели борьбу за живую личность с развитыми духовными потребностями. Дон-Кихот в представлении западников стал воплощением романтика, идеалы которого были совершенно оторваны от действительности. «Донкихотство» они оценивали как жизнь в вымышленном, нереальном мире. В исследованиях утверждается, что обращение западников к образу Дон-Кихота определялось стремлением объяснить оторванность идеалов славянофилов от реальных действительности. С нашей точки зрения, западники считали тип личности Дон-Кихота распространенным в разных национальных сообществах. «Донкихотство» было чуждо западникам, не желавшим тратить свою жизнь на фантазии. Значимой целью жизни должно быть познание истины, открывающей смысл действительности, полагали западники. Восприятие гегелевского учения о действительности позволило западникам осознать, что человек должен уметь жить в реальных исторических условиях. Фантазии на тему будущего развития общества, не опирающиеся на знание его состояния и реальных направлений эволюции, опасны, все попытки их реализовать закончатся жестокими разочарованиями.

Образ Дон-Кихота в трактовке Белинского – «благородная личность, деятельность которой растет на почве фантазии, а не действительности» [1, т. 9, с. 538]. В обществе всегда живет много «маленьких» донкихотов. Типы «маленького» и «большого» испанского Дон-Кихота – не идентичные, утверждал критик. Сервантесовский герой – «прежде всего прекрасный и благороднейший человек, истинный рыцарь без страха и упрека». Но «фантазия взяла у него верх над всеми другими способностями... Живя совершенно в мечте, совершенно вне современной ему действительности, он лишился всякого такта действительности и вздумал сделаться рыцарем в такое время, когда на земле не осталось уже ни одного рыцаря...» [1, т. 7, с. 306]. По мысли Белинского, «донкихотство» – это непонимание действительности, благородное служение вымышленным идеалам, которые не могут быть воплощены в жизнь, отрыв идеала от действительности. Дон-Кихот – благородная личность. Ему свойственна самоотверженность, деятельность, даровитость, великодушие, храбрость, спра-

ведливость, верность, мудрость. Натура Дон-Кихота парадоксальна: прекрасные, высокие чувства и мысли он направлял на воплощение недостижимых идеалов. Как бы ни был благороден Дон-Кихот, его фантазии не сделают его героем времени, которого он не понимает. Для самоопределения личности важно осознание действительности, утверждал Белинский. Осмысление направленности и содержания деятельности человека происходит в процессе понимания реальной жизни. Человек должен найти применение своих сил в деле, нужном и ему, и обществу.

В 40-е гг. Белинский не относил себя и своих друзей-западников к донкихотам. По его мнению, они ясно понимали свое собственное положение, сознавая, что жизнь нельзя строить по книгам. Человеку необходимо разумное сознание своих возможностей. Белинский сфокусировал внимание на мечтательной настроенности Дон-Кихота, его склонности к фантазиям о прекрасном, сформировавшейся под влиянием романтической литературы. Кратко критик характеризовал «донкихотство» как несоответствие между любимой идеей человека и требованиями времени.

«Донкихотство» получило развернутую оценку и в работах А. И. Герцена. В понимании Герцена «донкихотство» – откровенное заблуждение, добросовестная вера в несбыточные мечты, романтическое опьянение, горячее и чистое и столь же призрачное упование на свои силы, на воплощение мечты [3, т. 6, с. 50]. Трагедия донкихотов, по мнению Герцена, заключалась том, что они не видят пропасти между идеалом и действительностью. Как и Белинский, Герцен считал сутью донкихотства благородную борьбу за вымышленные идеалы.

Дон-Кихот видел свой идеал в прошлом, считал Белинский. Эта специфика «донкихотства» нашла свое осмысление и в трудах Герцена. Она определялась им как поиск вечных истин в прошедшем времени, скорби о нем, падении нравственности людей, неумении понять, что у каждой эпохи существуют свои идеалы [3, т. 6, с. 50–51]. Конфликт Дон-Кихота со временем был вызван несоответствием его идеала существующим порядкам. Донкихоты не могут выйти из старых форм, которые они принимают за вечные, «их идеал носит только имя и цвет будущего, а в сущности принадлежит миру прошедшему, не отрешается от него» [3, т. 6, с. 51].

Тема «донкихотства» получила осмысление А. И. Герценом в работе «Концы и начала» (1862 г.). Мыслитель и в 60-е гг. считал, что революционеры XVIII–XIX вв. обладали чертами

личности Дон-Кихота. Он с грустью называл донкихотов революции «фантастами не царства божия, а царства человеческого, последними часовыми идеала» [3, т. 16, с. 151]. Образ Дон-Кихота – один из самых трагических типов людей, переживающих свой идеал [3, т. 16, с. 166]. Хотя Герцен считал для себя неприемлемой деятельность, цель которой недостижима, он отдавал дань уважения людям, способным на бескорыстное безумство во имя своей мечты: «Идущим на гибель остающиеся в живых кланяются!». Герцен называл донкихотов благородными, святыми безумцами, поверженными львами. Ему было жаль их, так как они оказались побежденными вождями, которым нечего делать при жизни. «Прощайте, великие безумцы; прощайте, святые Дон-Кихоты!.. Много мечтаний, дорогих человеку, в которые он верил, вопреки уму, садятся с вами за небосклон, вы много унесете с собой...» [3, т. 16, с. 166].

Донкихоты, воплощавшие благородство, необходимы человечеству, убеждал Герцен. Жизнь без них будет беднее и пошлее. Мыслитель противопоставлял донкихотов мещанам, заботившимся исключительно о собственном благополучии, не способным на самопожертвование, высокую мечту, безумство храбрых. Герцену представлялось, что «донкихотство» в Европе побеждено мещанством, рассуждения мещан подло-разумны, они считают себя в праве попирать ногами донкихотов, не понимая, что те нравственно выше их. Духовное мещанство было совершенно неприемлемо для Герцена. В рыцарстве Дон-Кихота он находил черты, достойные уважения, – увлеченность светлыми идеалами; фанатическое верование в осуществимость гармоничного порядка, общего блаженства, в осуществимость истины; вера в торжество добродетели; готовность к подвигу; преданность, переживающая все испытания; искреннее желание воплотить идеалы в действительности; способность скорбеть за всех; вера в человечество и разум. За благородство, бескорыстие, нравственную чистоту Герцен назвал этот тип людей одним из высших, предельных типов человечества [3, т. 16, с. 150-153]. Герцен сам отмечал, что оценка «донкихотства» может показаться непоследовательной, но ее не преодолеть. «И будем непоследовательны...» [2, т. 16, с. 167]. Непоследовательность, в понимании самого Герцена, была проявлением противоречивости «донкихотства» как нравственно-психологического феномена, сочетающего в себе святость, «высокость», чистоту помыслов и обреченность деятельности на неудачу.

Дон-Кихот не был для Герцена типом личности, который должен стать преобладающим в человеческом обществе. Он хорошо понимал сложность включения этого типа людей в общественные отношения, так как они были энтузиастами без цели, озабоченные без причины, принимающие всякое дело к сердцу и не умеющие ничему помочь [3, т. 16, с. 157]. Мыслящее меньшинство, по убеждению Герцена, должно без увлечения и предрассудков смотреть на людей и жизнь, видеть в ней не только прекрасное, но все ее стороны.

В. Г. Белинский и А. И. Герцен считали основной своей задачей познание истины бытия, а оно не терпит украшения жизни романтическими нарядами. Их увлекали не грезы, а строго разумное понимание направления развития человечества, русского общества. Поставив вопрос о соотношении идеала и действительности, они ясно сознавали невозможность забвения реальности. Не отказываясь от своих идеалов, они исследовали реальные формы и содержание жизни. Совершенно очевидно, для них Дон-Кихот был «Другим», то есть типом личности, который не соответствовал западническому представлению о широко развитой личности и ее взаимодействии с обществом. Изучение отношения этих мыслителей к образу Дон-Кихота позволяет обратить внимание на такую черту самосознания западников, как отказ от создания социально-этической картины мира, основанной на вымысле о прекрасном. Западники стремились к пониманию современной им действительности. Выделенные ими благородные черты Дон-Кихота позволяют воспроизвести признаваемые ими высокие нравственные качества личности – великодушие, справедливость, благородство, самоотверженность, стремление помочь другим. Образ Дон-Кихота не был для западников антиподом, так как они находили в этом типе личности некоторые качества, которые хотели бы видеть в людях – благородство, чувство справедливости.

Интерпретация И. С. Тургеневым образа Дон-Кихота несколько отличается от трактовки Белинского и Герцена. Развернутая оценка Дон-Кихота содержится в тургеневской статье «Гамлет и Дон-Кихот», впервые опубликованной в «Современнике» в 1860 г. Стремление Тургенева дать оценку двум историческим типам личности – Гамлету и Дон-Кихоту – объяснялось желанием сопоставить два взгляда на жизнь, две системы ценностей, определить свое отношение к ним. В отличие от Белинского и Герцена, интерпретировавших «донкихотство» в контексте воззрения на соотношение идеала и действительности, Турге-

нев не поднимал проблему воплощения рыцарских добродетелей в реальной жизни. Писателя интересовал вопрос о преданности рыцаря своим идеям. В сервантесовском герое Тургенева привлекали романтические черты, самопожертвование, вера в «нечто вечное, незыблемое, в истину ... находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы» [8, т. 11, с. 170]. Этот взгляд был близок романтическому настроению Станкевича, друга Тургенева, когда тот мечтал о подвиге для других, был готов к самоотречению. Высоко-нравственной чертой личности писатель считал чистоту идеала, пронесенного сквозь всю жизнь. Дон-Кихот, с точки зрения Тургенева, был типом личности, свято хранившей идеал «во всей своей нетронутой чистоте», стремившейся жить для других: «Жить для себя, заботиться о себе – Дон-Кихот почел бы постыдным. Он весь живет (если можно так выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам – волшебникам, великанам, то есть притеснителям. В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование – оцените это слово! – он верит, верит крепко и без оглядки. Оттого он бесстрашен, терпелив...» [8, т. 11, с. 171]. Совершенно очевидно, что в этом истолковании образа Дон-Кихота просматриваются черты романтической картины мира самого Тургенева, на формирование которой оказал влияние Станкевич.

Представляется интересным сопоставление мнений русских западников о Дон-Кихоте с оценкой Рыцаря Печального Образа Мигелем де Унамуно, автором одного из лучших исследований о романе Сервантеса. Если русские западники неоспоримой положительной чертой Дон-Кихота считали самопожертвование, стремление жить для других, то Мигель де Унамуно основную черту сервантесовского рыцаря видел в желании обессмертить и прославить свое имя. Мотивы поступков Дон-Кихота, как пишет Мигель де Унамуно, – возвеличение собственной чести и служение родной стране. «Он стремился обессмертить и прославить свое имя...» [5, с. 25–26]. Это расхождение в понимании нравственных установок Дон-Кихота нам представляется существенным. В русской культуре 30–50-х гг. XIX в. «донкихотство» воспринималось как порождение романтизма. Русские мыслители уверовали в истинность идеи Фихте о необходимости служения людям и искренне мечтали о самоотверженной деятельности на благо других. Тип русского ро-

мантика 30-х гг. – личность, находящаяся в непрерывном идейно-нравственном поиске, стремящаяся к духовному самосовершенствованию и совершенствованию других, мечтающая не столько об устранении зла во внешнем мире, сколько о преодолении в себе недостатков и воспитании высоких нравственных качеств. По мнению Тургенева, Дон-Кихот не занят собою, он уважает себя и других, но не заботится о своем духовном развитии, «едва знает грамоте», но имеет свой образ мыслей, борется с несправедливостью в окружающем его мире.

Называя Дон-Кихота самым нравственным существом в мире, Тургенев исходил из мысли, что главное в человеке – искренность и сила убеждения [8, т. 11, с. 172–175]. Писатель ценил в Дон-Кихоте решимость бороться за свои идеалы. Бескорыстное служение идеалам высоко ценили Герцен и Тургенев. Для обоих было неприемлемо сосредоточение всех интересов человека только на своих проблемах. Донкихоты, способные отстаивать свои идеалы, необходимы человечеству. Смысл жизни человека – то, что остается жить после его смерти, что востребовано обществом, то есть, добрые дела, как полагал Тургенев.

Таким образом, западники, выявляя смысл культуры общества, отмечали формирование типов личности, ориентированных на различные ценности. Романтически настроенных людей они идентифицировали с Дон Кихотом. В трактовках образа Дон-Кихота Тургеневым, Герценом и Белинским есть общие и оригинальные черты. Если для Тургенева более значимы благородные черты сервантесовского рыцаря – его преданность идеалу и способность пожертвовать всем ради его воплощения, то Белинский и Герцен, отмечавшие добродетельные качества этой личности, считали пагубным ее ориентацию на нежизненные идеалы, обреченные остаться лишь мечтой. Можно говорить о существовании диалога в субкультуре западников, по-разному расставлявших акценты в своих интерпретациях типа личности Дон-Кихота. Обращение к образу Дон Кихота позволяло западникам выявить черты романтического героя, не сознающего действительности. Западники, освобождаясь от влияния романтической культуры, которое они испытали в тридцатые годы, обосновывали важность осознания реальной жизни. Человек должен стоять на почве действительности. Его духовными ориентирами должны быть не идеальные образы и абстрактные идеи, а интеллектуально-нравственные цели, достижимые в действительности, утверждали западники.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М. : Художественная литература, 1976–1982.
2. Боткин, В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма [Текст] / В. П. Боткин. – М. : Советская Россия, 1984.
3. Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. [Текст] / А. И. Герцен. – М. : Изд-во АН СССР, 1954–1966.
4. Лучицкая, С. И. Образ другого: проблематика исследования [Текст] / С. И. Лучицкая // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2001.
5. Унамуно Мигель, де. Житие Дон-Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и прокомментированное Мигелем де Унамуно [Текст] / У. Мигель. – СПб. : Наука, 2002. – 394 с.
6. Олейников, Д. И. Классическое русское западничество [Текст] / Д. И. Олейников. – М. : Механик, 1996. – 164 с.
7. Олейников, Д. И. Дон Кихот и Гамлет как типы исторического самосознания поколений декабристов и идеалистов 30-х годов [Текст] / Д. И. Олейников // Экономическая и общественная жизнь России нового времени: сборник документов и сообщений. – М. : УРСС, 1992. – С. 166–178.
8. Тургенев, И. С. Гамлет и Дон Кихот [Текст] / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 т. – М. : Художественная литература, 1956. – Т. 11.
9. Штейн А. Л. Дон Кихот – вечный спутник человечества [Текст] / А. Л. Штейн. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 96 с.